

A man in a dark suit stands with his back to the camera, looking out a large window. The window is flanked by tall wooden bookshelves filled with books. Outside, a city is visible under a cloudy sky, with a prominent Gothic cathedral spire. The scene is set in autumn, with trees and leaves in shades of orange and yellow. The overall mood is contemplative and serene.

Сергей Патрушев

Книга бесконечности

Сергей Патрушев
Книга бесконечности

«Автор»

2026

Патрушев С.

Книга бесконечности / С. Патрушев — «Автор», 2026

Молодой корректор Марк считает шаги. Каждое утро он отстукивает ритм по подоконнику, пытаясь удержать ускользающее время и заглушить одиночество, поселившееся в сердце после смерти матери. Его мир состоит из чужих текстов и бесконечного счета — до тех пор, пока в руки не попадает странная книга без имени автора. "Книга Бесконечности" открывает дверь в иное измерение — Библиотеку потерянных шагов, где хранятся судьбы всех, кто жил, живёт и будет жить. В этом месте, где время течёт иначе, Марк встречает Хранителя и загадочную девочку Алису, родившуюся между строк. Ему предстоит пройти через Коридор зеркал, где обитают отражения всех, кого он когда-либо видел, и сделать выбор в Зале дверей, способный изменить всё. Но главное испытание ждёт впереди — встреча с самим собой трёхлетней давности, в тот самый день, когда он не решился заговорить с девушкой с зелёными глазами на мосту.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Книга бесконечности

Глава 1. Тот, кто считает шаги

Город просыпался медленно, будто нехотя, разлепляя влажные от ночного тумана веки окон. Где-то внизу, в каменном мешке улицы, уже заворчал первый утренний автобус, его двигатель кашлял и надсадно гудел, пытаясь разогнать холод в проржавевших жилах. Но здесь, на восьмом этаже старого дома, стояла та особенная, ватная тишина, которая бывает только на грани ночи и дня. Тишина, в которой слышно, как оседает пыль на корешках книг и как где-то за стеной, в квартире одинокой старухи, тоненько и жалобно поет свою бесконечную песню чайник.

Марк сидел на широком подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрел, как небо над крышами наливается густым, акварельным сиреневым светом. Ему было двадцать семь, и он считал шаги. Не всегда, не постоянно, а только когда внутри нарастало это знакомое, тягучее чувство, будто время вокруг него начинает течь слишком быстро, обтекая его, как вода обтекает камень, оставляя его неподвижным и холодным в самом центре бурлящего потока.

Сегодня шаги начались ровно в пять часов сорок три минуты. Он отстукивал ритм подушечками пальцев по старому, чуть шершавому подоконнику. Один удар – секунда. Два удара – две. Он сбивался на сотом, начинал заново. Это было его тайное заклинание против пустоты, способ удержать ускользающие мгновения, заставить их подчиниться простой арифметике.

Внизу, во дворе-колодце, дворник дядя Гриша уже шаркал метлой по асфальту, сгребая в кучу вчерашние окурки, обертки от конфет и прелые листья, принесенные неизвестно откуда. Движения его были размеренными, почти ритуальными. Он тоже считал, думал Марк. Только он считал взмахи метлы, а вместе с ними – дни, оставшиеся до пенсии, до покоя, до бесконечности, которая для него, наверное, была просто очень долгим сном.

Комната за спиной Марка была заставлена книгами. Они громоздились на стеллажах от пола до потолка, лежали стопками на столе, на полу, на продавленном диване. Тысячи жизней, тысячи судеб, застывших в переплетах, ждали своего часа. Марк работал корректором в маленьком, почти разорившемся издательстве, и его мир состоял из чужих слов. Он выискивал в них ошибки, вычищал опечатки, делал чужие тексты идеальными, но при этом собственные мысли казались ему корявыми и не стоящими бумаги, на которой их можно было бы записать.

Сиреневое небо начало светлеть, пробиваясь сквозь пыльное стекло. Луч солнца, тонкий и острый, как игла, проткнул полумрак комнаты и упал на корешок одной из книг, стоявших на верхней полке. Марк не сразу обратил на это внимание, но свет, казалось, задержался на ней дольше, чем на других. Кожаный переплет тускло блеснул золотым тиснением, которое Марк видел каждый день, но сегодня оно показалось ему незнакомым. Или, может быть, он просто никогда не вглядывался в него по-настоящему.

Он слез с подоконника, чувствуя, как затекли ноги, и подошел к стеллажу. Книга стояла между потрепанным томиком Борхеса и дореволюционным справочником по высшей математике. Название было вытеснено на корешке выцветшей, но все еще различимой вязью: «Книга

Бесконечности». Марк нахмурился. Он не помнил, чтобы покупал ее. Он не помнил, чтобы вообще когда-либо видел ее.

Он протянул руку и снял книгу с полки. Пальцы ощутили не привычную прохладу бумаги, а странное, едва уловимое тепло, словно книгу только что держали в руках. Переплет был из темно-вишневой, местами потертой на сгибах кожи, украшенный медными уголками. Ни имени автора, ни издательства, только заглавие.

Марк открыл книгу на первой странице. Она была пуста. Абсолютно чистая, без единой пометы, без следов типографской краски. Он перелистнул. Вторая, третья, пятая страницы – все было девственно белым. Лишь легкий запах старой бумаги, немного сладковатый и пыльный, подтверждал, что книга не новая, что она прожила долгую жизнь, но так и не решилась никому открыть свою тайну.

Марк хмыкнул и хотел уже поставить ее на место, решив, что это чей-то забытый или неудачный подарок, как вдруг свет за окном изменился. Солнце, поднявшееся чуть выше, залило комнату ярким, почти осязаемым потоком. И в этом потоке Марк увидел то, чего не замечал раньше. На первой, пустой странице книги проступили буквы. Они были бледными, призрачными, видимыми только под определенным углом, но они были.

С замершим сердцем, в котором шаги наконец-то прекратились, уступив место глухому и мощному удару, Марк поднес книгу к окну. Буквы, словно наливаясь светом, становились все четче. Они складывались в слова. Всего несколько строк в самом верху страницы.

«Тот, кто держит в руках эту книгу, уже сделал первый шаг. Шагов этих будет много. Ровно столько, сколько нужно, чтобы дойти до самого начала».

Марк перечитал фразу три раза. Глупая шутка, подумал он. Очередной типографский брак или чья-то хитрая задумка. Но буквы не исчезали. А под ними, чуть ниже, на чистом листе, начала проступать еще одна надпись. Она была короче.

Он смотрел, как перо невидимого писца выводит слова, и узнавал их. Это был его почерк. Неровный, торопливый, с незаконченными хвостиками у букв.

«Пять часов сорок три минуты. Сто сорок седьмой шаг. Я снова здесь».

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой. Он оглянулся на пустую комнату, на улицу за окном, где дворник дядя Гриша как раз закончил мести и присел на скамейку закурить. Мир за окном был прежним. Но мир у него в руках только что перестал быть просто книгой. Он стал зеркалом. Зеркалом, в котором отражалась не его внешность, а сама ткань его жизни, его мыслей, его одержимости счетом.

Марк снова посмотрел на страницу. Слова его почерком ждали ответа. Он провел пальцем по строчкам, словно пытаясь стереть их, сделать так, чтобы все вернулось на свои места. Но буквы оставались, они будто впитались в бумагу. Тогда, не зная зачем, он заговорил вслух. Голос его прозвучал хрипло и непривычно громко в утренней тишине комнаты.

– Это невозможно, – сказал он книге. – Этого не может быть. Я не писал этого.

Книга, разумеется, не ответила. Но Марку показалось, что тепло переплета стало чуть сильнее, словно внутри шевельнулось что-то живое. Он резко захлопнул ее. Звук получился глухим, тяжелым, как удар сердца.

Он прошелся по комнате, стараясь не смотреть на стеллаж. Подошел к столу, взял чашку с остывшим кофе, отпил глоток. Горькая жидкость обожгла горло, возвращая к реальности. Реальности, в которой не бывает книг, пишущих твоим почерком.

– Просто совпадение, – произнес он уже громче, обращаясь к портрету Борхеса, висевшему над столом. – Оптическая иллюзия. Усталость. Я слишком много работаю.

Писатель на черно-белой фотографии смотрел на него слепо и мудро, ничего не объясняя.

Марк поставил чашку и снова подошел к окну. Дядя Гриша уже докурил и теперь неторопливо шел к подъезду, волоча за собой метлу, как старое, надоевшее ружье. Марк хотел крикнуть ему, спросить, видит ли он что-нибудь странное в окнах восьмого этажа, видит ли он самого Марка, стоящего с книгой в руках, или же его фигура тоже кажется дворнику призрачной и ненастоящей. Но он не крикнул.

Вместо этого он снова открыл книгу. На этот раз осторожно, будто боясь спугнуть навязание. Страница с его почерком была на месте. И больше ничего нового не появилось. Марк выдохнул, почти разочарованно.

– Кто ты? – тихо спросил он, глядя на пустые листы. – Откуда ты взялась?

И вдруг ему показалось, что легкий сквозняк, идущий откуда-то из щелей старой рамы, кольхнул страницы. Они перевернулись сами собой, открыв чистый разворот. А затем, на глазах у Марка, в самом центре левой страницы начала проступать надпись. Не его почерком. Другим – старомодным, витиеватым, с длинными хвостами у букв «д» и «з».

«Ты ищешь меня так долго, Марк. Сто сорок семь шагов только сегодня утром. А сколько за всю жизнь? Я ждала, когда ты перестанешь считать и начнешь спрашивать».

Марк попятился. Нога зацепилась за стопку книг на полу, и он едва не упал, ухватившись за край стола. Чашка с кофе опрокинулась, коричневая жидкость растеклась по рукописи, над которой он просидел весь вчерашний вечер. Он даже не взглянул на нее.

– Этого не может быть, – повторил он, но голос сорвался на шепот.

Книга лежала на подоконнике, залитая утренним солнцем, и выглядела совершенно обычно. Старая, потрепанная, безмолвная. Марк сделал шаг к ней, потом еще один. Осторожно, как к спящему зверю, он протянул руку и коснулся страницы. Бумага была теплой. И чистой. Надпись исчезла.

– Я схожу с ума, – выдохнул Марк.

Он рывком закрыл книгу, схватил ее и, не надевая куртки, выбежал в коридор. Ему нужно было выбраться из этой комнаты, из этого дома, нужно было увидеть других людей, услышать их голоса, убедиться, что мир не сошел с орбиты.

Он влетел в лифт, жадно нажимая кнопку первого этажа. Старая кабина дернулась и поползла вниз, жалобно скрипя тросами. Марк прижал книгу к груди и чувствовал, как сквозь кожу переплета пробивается ровное, живое тепло, похожее на биение огромного, медленного сердца. И в такт этому биению, где-то на грани слышимости, в его голове снова зазвучал счет.

Один. Два. Три. Четыре. Этажи уходили вниз, в бесконечность.

Глава 2. Библиотека потерянных шагов

Лифт остановился между третьим и вторым этажом. Рывок был таким резким, что Марк ударился плечом о стенку кабины, а книга выскользнула из рук и с глухим стуком упала на пол, раскрывшись где-то в середине. Лампочка под потолком замигала, затрещала и погасла, оставив его в непроглядной черноте, какой не бывает даже в самую безлунную ночь. Черноте, которая, казалось, состояла не из отсутствия света, а из густой, осязаемой субстанции, заполнявшей рот и уши ватой.

Марк замер. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая привычный внутренний счет. Он шагнул вперед, туда, где, по его расчетам, должна была находиться дверь, и наткнулся на шершавую стену. Провел рукой – панели, кнопки. Он нащупал круглую кнопку вызова диспетчера, нажал и прижался ухом к холодному металлу. Тишина. Ни гудков, ни потрескивания, ни голоса дежурного. Только ровное, глухое безмолвие, от которого закладывало уши.

– Есть кто? – крикнул он в темноту. Голос ударился о стены кабины и погас, не найдя выхода. – Помогите!

Тишина ответила ему полным, абсолютным равнодушием. Марк почувствовал, как паника поднимается откуда-то из живота, холодными пальцами сжимает внутренности. Он всегда боялся замкнутых пространств, боялся этой безответности мира, этого крика в пустоту, который возвращается к тебе лишь эхом собственного страха. Чтобы успокоиться, он начал считать. Один, два, три, четыре. Размеренно, глубоко дыша. Двадцать три, двадцать четыре. Он наклонился и нащупал на полу книгу. Пальцы коснулись теплой бумаги, и это прикосновение подействовало лучше любого счета. Тепло было живым, оно пульсировало, и Марк невольно прижал ладонь к странице, пытаясь поймать этот ритм.

И вдруг страница под его пальцами засветилась. Слабо, едва заметно, будто кто-то зажег свечу за плотной тканью. Марк поднес книгу ближе к лицу и увидел, что свет исходит не от самой бумаги, а от букв, которые проступали на ней, одна за другой, складываясь в слова, в предложения, в целые абзацы. Он читал, и с каждым прочитанным словом свет становился ярче, а сердце билось ровнее.

«Не бойся темноты, Марк. Темнота – это просто свет, который еще не научился ждать. Ты стоишь не в лифте старого дома. Ты стоишь на пороге. Шагов больше нет. Только выбор: вернуться туда, где ты считал секунды, или войти туда, где секунды считают тебя».

Буквы мерцали и переливались, отливая золотом и медью, как осенние листья под солнцем. Марк провел пальцем по строчке, и след от пальца остался светящимся, медленно угасая, как искра от костра.

– Куда войти? – прошептал он. – Здесь нет никакой двери.

Но едва он произнес эти слова, как стена лифта напротив него начала меняться. Металлическая панель пошла рябью, будто поверхность воды, в которую бросили камень, а затем разгладилась и превратилась в высокую арку, сложенную из темного, отполированного временем камня. По бокам арки горели два факела, их пламя не коптило и не давало жара, лишь мягко освещало пространство впереди.

Марк оглянулся. Там, где только что была дверь лифта, теперь тоже не было ничего, кроме такой же каменной кладки. Он стоял в круглом помещении, больше похожем на основание башни, чем на лифтовую кабину. Пол был выложен каменными плитами, стертymi бесчисленными шагами до зеркального блеска. В центре, там, где только что валялась упавшая книга, теперь стоял невысокий пюпитр из темного дерева, инкрустированный перламутром.

Марк подошел к нему. Книга лежала на пюпитре, раскрытая на той самой странице, которую он читал в темноте. Но теперь буквы на ней не светились, они были черными, четкими, типографскими. Словно так было всегда. Словно она всегда здесь лежала.

– Ты все-таки пришел.

Голос раздался откуда-то из-за спины, из тени, которую отбрасывали факелы. Голос был старческий, скрипучий, как несмазанная дверь, но в нем слышалась и насмешка, и усталость, и что-то еще, чему Марк не мог подобрать названия.

Он резко обернулся. В тени арки стояла фигура, закутанная в длинный плащ из серой, вытертой ткани, больше похожей на войлок. Лица не было видно – глубокий капюшон скрывал его полностью. Фигура опиралась на посох, и при каждом движении посох издавал глухой стук о камень.

– Кто вы? – спросил Марк. Голос его прозвучал на удивление твердо, хотя внутри все дрожало.

– Я тот, кто считает шаги, которые ты уже не считаешь, – ответила фигура. – Хранитель порога. Смотритель зала ожидания. Называй как хочешь. Имена здесь ничего не значат. Важно только то, зачем ты пришел.

– Я не приходил. Я просто ехал вниз. Лифт сломался.

Фигура издала звук, похожий на скрипучий смешок.

– Лифт не ломается, мальчик. Лифт – это только предлог. Ты держал книгу. Ты прочитал надпись. Ты сделал выбор, даже не заметив этого. Шаги привели тебя сюда. Так бывает всегда.

Марк сжал книгу в руках, чувствуя ее тепло, ее пульс, ее дыхание.

– Что это за место?

– Это библиотека, – просто ответил старик. – Библиотека потерянных шагов.

Он шагнул вперед, и свет факелов упал на край капюшона, открыв на мгновение кусочек сухой, пергаментной кожи с проступающими венами. Марк увидел длинные, костлявые пальцы, сжимающие посох, и заметил, что пальцы эти испачканы чернилами.

– Каждый шаг, который ты сделал в своей жизни, – продолжал старик, – каждое движение, каждое дыхание, каждое слово – все это записано. Где-то. В какой-то из книг. Люди думают, что их следы исчезают, заметаются ветром, смываются дождем. Но это не так. Ничто не исчезает бесследно. Все остается здесь.

Он обвел посохом пространство вокруг, и Марк только сейчас заметил, что стены круглого зала, которые он принимал за каменные, на самом деле были стенами из книг. Тысячи, миллионы книг, уходящих в темноту, в бесконечность, теряющихся где-то высоко, где даже свет факелов не мог достать. Книги стояли на полках, громоздились в нишах, лежали стопками у стен. Некоторые были огромными, в рост человека, другие – крошечными, меньше ладони. Кожаные переплеты соседствовали с берестяными свитками, современные тома в лакированных суперобложках – с рукописными фолиантами на неизвестных языках.

– Это все... мои шаги? – прошептал Марк.

– Твои? – старик снова скрипнул смехом. – Ты слишком высокого мнения о себе. Это шаги всех, кто жил, живет и будет жить. Каждое существо на этой земле оставляет здесь свой след. Каждая травинка, каждый камень, каждая капля дождя. Все, что движется, оставляет шаги. А все, что оставляет шаги, однажды попадает сюда.

Марк подошел к ближайшей полке и провел рукой по корешкам. Книги были разные – новые и старые, толстые и тонкие. Он наугад вытащил одну. На обложке не было ни названия, ни имени автора. Он открыл ее. Страницы были заполнены аккуратным, каллиграфическим почерком. Он начал читать и через несколько строк понял, что читает жизнь совершенно незнакомого человека. Вот он родился в маленьком городке, вот пошел в школу, вот влюбился в девочку с косичками, вот потерял отца, вот уехал искать счастье в большой город. Марк перелистнул несколько страниц. Жизнь продолжалась, текла, дышала. Он закрыл книгу и поставил ее на место, чувствуя странное головокружение.

– Я могу найти здесь свою? – спросил он.

– Свою? – старик покачал головой. – Ты еще не закончил писать свою. Твоя книга еще открыта. Она там.

Он указал посохом туда, где на пюпитре лежала «Книга Бесконечности».

– Но это не моя, – возразил Марк. – Я нашел ее. Она стояла на полке среди других.

– Она всегда стояла на полке среди других, – терпеливо объяснил старик. – Но другие не видели ее. Другие проходили мимо. Ты – увидел. Ты – взял. Ты – открыл. Значит, она твоя. Или ты – ее. Это как посмотреть.

Марк подошел к попитру и снова открыл книгу. Теперь страницы были заполнены. Текст шел сплошным потоком, без глав, без абзацев, без знаков препинания. И это был его почерк. Он узнавал каждую букву, каждую закорючку. Он начал читать и похолодел.

Там было написано про сегодняшнее утро. Про то, как он сидел на подоконнике и считал шаги. Про дворника дядю Гришу. Про чайник за стеной. Про то, как он взял книгу с полки. Про лифт. Про темноту. Про старика. Про этот разговор. Слово в слово. Мысль в мысль.

– Это невозможно, – выдохнул Марк. – Я не писал этого только что. Я стоял здесь и говорил с вами. Я не мог одновременно писать.

– А кто говорит, что время здесь течет так же, как там? – старик сделал шаг вперед и впервые поднял голову. Из-под капюшона на Марка взглянули глаза – не старческие, не молодые, а просто глаза, очень темные, очень глубокие, в которых, казалось, отражались все те книги, что стояли на полках. – Время, мальчик, – это просто еще одна книга. Ее можно открыть в любом месте. Можно читать сначала. Можно с конца. Можно перепрыгивать через страницы. Ты всегда думал, что идешь по прямой линии. А на самом деле ты просто идешь по строчкам.

Марк захлопнул книгу. Ему стало страшно, по-настоящему страшно, как не было страшно даже в темноте лифта.

– Я хочу вернуться, – сказал он твердо. – Я хочу домой.

– Домой? – старик усмехнулся. – А где твой дом, Марк? В комнате с книгами? На восьмом этаже? В городе, где ты считаешь шаги, чтобы не сойти с ума от одиночества? Это ли дом? Или просто страница, которую ты читал слишком долго?

– Верните меня обратно, – повторил Марк, сжимая книгу. – Я не просился сюда. Я не выбирал.

– Выбирал, – спокойно ответил старик. – Каждый раз, когда ты садился на подоконник и начинал считать. Каждый раз, когда ты смотрел на книги и думал, что твоя жизнь ничего не стоит. Каждый раз, когда ты боялся сделать шаг в реальность и делал шаг в счет. Ты выбирал эту дверь тысячи раз. Сегодня она просто открылась.

Марк молчал. Возразить было нечего.

– Что мне теперь делать? – спросил он наконец.

– Читать, – просто ответил старик. – Это же библиотека. Здесь читают. Иди вдоль полок. Смотри. Ищи. Может быть, найдешь что-то, что поможет тебе понять, зачем ты считал все эти годы.

– А вы? – Марк посмотрел на старика. – Вы останетесь здесь?

– Я всегда здесь. Я – тот, кто встречает. Тот, кто провожает. Тот, кто помнит, где какая книга стоит. Меня зовут Хранитель, но можно просто... Старик. Все так делают.

Он повернулся и, тяжело опираясь на посох, пошел в темноту между стеллажами. Стук посоха затихал вдали, поглощенный бесконечными рядами книг.

Марк остался один. В руках он держал «Книгу Бесконечности», и она пульсировала теплом, как живое сердце. Вокруг, на сколько хватало глаз, тянулись полки с миллионами жизней, с миллиардами шагов, с бесконечностью, запертой в переплеты.

Он сделал первый шаг в темноту между стеллажами. И не стал его считать.

Глава 3. Книга без названия

Тишина в библиотеке оказалась обманчивой. Чем дальше Марк уходил от круглого зала с пюпитром, тем отчетливее начинал слышать звуки, которых не замечал сначала. Где-то далеко, словно за десятками стен, шелестели перелистываемые страницы – тысячи, десятки тысяч страниц одновременно, и этот шелест сливался в ровный, убаюкивающий шум, похожий на прибой. Иногда среди этого шума прорезался шепот – чьи-то голоса читали вслух, проговаривали слова, фразы, целые абзацы, но стоило Марку прислушаться, как шепот отдалялся, таял, уходил вглубь стеллажей.

Воздух здесь был тяжелым и сухим, пах старыми книгами, кожей переплетов, клеем и еще чем-то неуловимым, что Марк не мог опознать, но что казалось ему смутно знакомым. Возможно, так пахло его детство – запах библиотеки в школе, куда он убегал на переменах, прячась от шумных одноклассников. Возможно, так пахли сны, которые он забывал, просыпаясь по утрам.

Стеллажи уходили в бесконечность. Они тянулись ровными рядами, строгими, как солдаты в строю, но между ними то и дело попадались просветы, переходы, лестницы, ведущие на верхние ярусы, и темные провалы вниз, на нижние этажи этого бесконечного книгохранилища. Марк шел наугад, сворачивая то налево, то направо, и вскоре понял, что окончательно заблудился. Впрочем, слово «заблудился» здесь теряло смысл – заблудиться можно было только там, где есть конец и начало, а здесь не было ни того, ни другого.

Он остановился у одного из стеллажей и провел рукой по корешкам. Книги были разные – в коже, в ткани, в бумаге, в деревянных обложках. На некоторых названия были вытиснены золотом, на других – написаны от руки выцветшими чернилами, на третьих – просто выцарапаны чем-то острым. Марк вытащил первую попавшуюся. Кожаный переплет, медные застежки, пожелтевшие страницы. Он открыл наугад и прочитал первые строки:

«Она вышла замуж в девятнадцать лет за человека, которого видела всего три раза. Свекровь невзлюбила ее с первого дня, свекор был добр, но молчалив, муж оказался жесток и равнодушен. Она родила четверых детей, трое выжили, один умер во младенчестве от горячки. Она хоронила мужа, когда ей было сорок три, и не плакала на похоронах, потому что слезы кончились задолго до этого. Она прожила еще тридцать семь лет в доме, где каждая стена помнила ее боль, и умерла в одиночестве, никем не оплаканная, кроме старой кошки, которая свернулась у нее в ногах за день до того, как сердце остановилось».

Марк захлопнул книгу и поставил на место. Сердце колотилось где-то в горле. Он только что прочитал чужую жизнь – сжатую, спрессованную в несколько абзацев, но от этого не менее

реальную. Эта женщина существовала. Дышала, страдала, любила, теряла. А теперь ее жизнь стояла на полке, пылилась в темноте, ждала, когда кто-нибудь случайно откроет ее и прочитает.

– Вы не должны были трогать эту книгу.

Голос раздался так неожиданно, что Марк вздрогнул и отшатнулся, ударившись плечом о стеллаж. Перед ним стояла девочка. Лет двенадцати, не больше, с длинными темными волосами, заплетенными в тугую косу, в простом сером платье, какие носили в прошлом веке. В руках она держала стопку книг – таких старых, что они, казалось, рассыплются от одного неосторожного движения. Глаза у девочки были большие, серые, совершенно недетские – в них застыла такая глубина, что Марку стало не по себе.

– Прости, – сказал он, не зная, как обращаться к ребенку в этом странном месте. – Я не знал, что нельзя. Я просто шел и...

– Здесь можно все, – перебила девочка, поправляя стопку книг, которая угрожала рухнуть. – Но не все нужно. Эта книга – чужая боль. Зачем вам чужая боль? Своей мало?

Марк растерялся. Девочка говорила так, словно была взрослой, очень взрослой, старше самого старика-Хранителя. И в то же время в ней чувствовалось что-то детское – в том, как она прижимала к себе книги, как поправляла выбившуюся прядь волос.

– Ты здесь работаешь? – спросил он.

– Работаю? – девочка улыбнулась, и улыбка у нее была странная – не по-детски грустная. – Я здесь живу. Всегда жила. Всегда буду жить. Это мой дом. Эти книги – моя семья.

Она кивнула на стеллажи, и Марк понял, что она не шутит.

– Как тебя зовут?

– Алиса, – просто ответила девочка. – Но это неважно. Имена здесь ничего не значат, вам уже говорили. Важно только то, что вы держите в руках.

Она посмотрела на «Книгу Бесконечности», которую Марк так и не выпускал из рук, и глаза ее расширились. Стопка книг дрогнула, верхняя с глухим стуком упала на пол.

– Осторожно! – Марк наклонился поднять, но девочка остановила его движением руки. Она смотрела только на книгу в его руках, и в этом взгляде было что-то, от чего по спине Марка побежали мурашки.

– Откуда она у вас? – спросила Алиса шепотом. – Это же... это же Книга. Настоящая. Я думала, таких больше не осталось.

– Ты знаешь, что это такое?

Девочка не ответила. Она осторожно, будто боясь спугнуть, поставила оставшиеся книги на пол, аккуратной стопкой, и подошла ближе. Протянула руку, но не прикоснулась – замерла в сантиметре от переплета, словно грея ладонь об исходящее от книги тепло.

– Можно? – спросила она тихо.

Марк кивнул. Алиса взяла книгу, и лицо ее изменилось – стало сосредоточенным, серьезным, почти взрослым. Она закрыла глаза и провела пальцами по корешку, по медным уголкам, по коже переплета. Потом открыла глаза и посмотрела на Марка с новым выражением – в нем читалось уважение, смешанное с чем-то похожим на страх.

– Она выбрала вас, – сказала девочка. – Такое редко бывает. Очень редко. Я слышала истории, но никогда не видела сама. Книги обычно просто лежат. Ждут. А эта... она живая.

– Живая?

– Ну да. – Алиса вернула книгу Марку, и тот почувствовал, как тепло переплета стало еще ошутимее, словно книга радовалась возвращению. – Все книги здесь живые. Но большинство спят. Просто хранят чужие жизни и ждут. А эта... она проснулась. Для вас.

Марк посмотрел на книгу. Та выглядела обычно – старая, потрепанная, чуть выцветшая. Но теперь, после слов девочки, он действительно ощущал исходящую от нее пульсацию, ровную, как биение сердца.

– Что мне с ней делать? – спросил он.

– Читать, – пожала плечами Алиса. – Это же книга. Их читают. Но не как обычные. Не от начала к концу. Вы должны открывать ее и читать то, что она покажет. Идти туда, куда она поведет. Она ваша проводница.

– Проводница? Куда?

Девочка посмотрела на него с легкой насмешкой.

– Вы еще не поняли? Это же Библиотека потерянных шагов. Все, что здесь есть, – это шаги. Чьи-то жизни, чьи-то пути, чьи-то выборы. Ваша книга – это ключ. Она откроет вам любую дверь. Покажет любую историю. Но только ту, которая вам нужна. Не которую вы хотите, а которая нужна.

– А ты откуда все это знаешь?

Алиса улыбнулась – на этот раз совсем по-детски, светло и открыто.

– Я здесь родилась, – сказала она. – Моя мама была Хранителем. Папа был книгой.

Марк моргнул, думая, что ослышался.

– Книгой?

– Ну да. – Девочка говорила об этом так спокойно, будто речь шла о самой обычной вещи. – Он был человеком. Пришел сюда, как вы. Заблудился в жизни, нашел книгу, открыл ее. И остался. Потому что не захотел возвращаться. Так бывает. Некоторые остаются. Они

становятся частью библиотеки. Их шаги перестают считаться снаружи и начинают считаться здесь. Мама говорила, что папа стал самой красивой книгой в этом крыле. Я иногда хожу к нему, читаю. Он пишет для меня сказки. Каждый раз новые.

Марк почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он сжал книгу крепче.

– Я не хочу оставаться, – сказал он твердо. – Я хочу вернуться домой.

– Конечно, хотите, – кивнула Алиса. – Все сначала хотят. Но сначала надо понять, зачем вы пришли. Книга покажет. Идите за ней.

Она наклонилась, подняла упавшие книги и снова прижала стопку к груди.

– Мне пора, – сказала она. – Книги ждать не любят. Удачи вам. И не бойтесь читать то, что страшно. Страшное часто оказывается самым важным.

Она повернулась и пошла между стеллажами, и через несколько шагов серая фигурка растворилась в полумраке, словно ее и не было. Марк остался один. Вернее, не один – с книгой в руках и с тысячами книг вокруг, каждая из которых хранила чью-то жизнь, чью-то боль, чью-то радость, чью-то смерть.

Он посмотрел на «Книгу Бесконечности». Она пульсировала ровно и спокойно, словно дышала. Марк открыл ее на первой странице. Текст, который он видел в лифте, исчез. Вместо него было что-то другое:

«Ты встретил девочку, которая родилась между строк. Она знает то, что ты только начинаешь понимать. Иди направо до третьего стеллажа, потом налево до конца, потом вниз по лестнице. Там ждет книга, которую ты должен прочитать, прежде чем сможешь задать следующий вопрос».

Марк захлопнул книгу и огляделся. Направо, налево, вниз. У него не было причин доверять этим указаниям. Но не было и причин не доверять. Он сделал глубокий вдох и пошел.

Третий стеллаж оказался высоким, до самого потолка, заставленным книгами в темных переплетах. Марк свернул налево и пошел до конца – длинный проход тянулся, казалось, бесконечно, но через несколько минут уперся в каменную стену с узкой винтовой лестницей, уходящей вниз, в темноту. Ступени были стерты тысячами ног, некоторые треснули, перила отсутствовали.

Марк помедлил секунду и начал спускаться. С каждым шагом воздух становился холоднее, запах книг сменялся запахом сырости и плесени. Света сверху почти не доходило, и Марк ориентировался на ощупь, прижимая книгу к груди одной рукой и касаясь стены другой.

Лестница кончилась неожиданно – ступени оборвались, и Марк едва не упал, вовремя выставив ногу. Перед ним был еще один зал, но совсем не похожий на тот, где он встретил старика. Здесь не было стеллажей. Вдоль стен тянулись каменные ниши, и в каждой лежала всего одна книга. Книги были огромные, в тяжелых окованных переплетах, с застежками и замками. Некоторые ниши были пусты – только истлевшая ткань на дне напоминала о том, что когда-то здесь что-то лежало.

В центре зала стоял каменный стол, а на столе – одна-единственная книга, раскрытая. Марк подошел ближе. Книга была старая, очень старая, страницы пожелтели и потрескались по краям. Текст был написан от руки, витиеватым почерком, на языке, которого Марк не знал. Но когда он наклонился, чтобы рассмотреть буквы, они начали меняться, перестраиваться, складываться в знакомые слова.

«Здесь лежат те, кто не дописал свои книги. Те, кто ушел, не закончив. Те, чьи шаги оборвались внезапно. Их жизни хранятся в этих нишах. Неоткрытые. Незакрытые. Незаконченные. Ты пришел сюда не случайно. Среди них есть та, что ждала тебя дольше всех».

Марк поднял голову и обвел взглядом ниши. Которая? Как узнать? Он подошел к ближайшей. Книга в нише была перевязана черной лентой, на ленте – медная табличка с датой. Марк всмотрелся: 15 марта 1917 года. Он перешел к следующей. 4 июля 1943-го. Дальше. 22 июня 1941-го. 9 мая 1945-го. Даты, даты, даты. Дни смерти. Дни, когда чьи-то шаги остановились навсегда.

Он шел вдоль ниш, читая даты, и чем дальше, тем сильнее сжималось сердце. Вот 12 апреля 1961-го – день, когда Гагарин полетел в космос, а кто-то в этот же день перестал дышать. Вот 3 сентября 1976-го – просто день, ничем не примечательный, но для кого-то последний. Марк дошел до середины зала и остановился. Одна из ниш привлекла его внимание не датой, а тем, что лента на книге была не черной, а белой. Единственная белая лента среди сотен черных.

Он подошел ближе и прочитал дату: 24 октября 1996 года. Его день рождения. Он родился в этот день. А чья-то книга в этот день была перевязана белой лентой и положена в эту нишу.

Марк протянул руку и коснулся переплета. Книга была холодной, в отличие от его собственной. Совсем холодной, как камень. Но когда пальцы коснулись обложки, Марк почувствовал, как по руке пробежала дрожь – не от холода, от чего-то другого, от узнавания.

Он открыл книгу. Страницы были пусты. Совершенно пусты, ни одной буквы, ни одной пометы. Только в самом начале, на титульном листе, было написано одно-единственное слово. Он прочитал его и замер, потому что это слово было его именем.

Марк.

Он отшатнулся, захлопнул книгу и отступил на шаг. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание перехватило. Его книга. С его именем. С белой лентой. Лежащая в нише для тех, кто не закончил свой путь.

– Ты нашел ее.

Голос старика-Хранителя раздался за спиной так неожиданно, что Марк вскрикнул и обернулся. Хранитель стоял в проеме лестницы, опираясь на посох, и смотрел на него своими темными глазами, в которых, как показалось Марку, блестели слезы.

– Что это значит? – спросил Марк, и голос его сорвался. – Почему здесь книга с моим именем? Почему она в этом зале? Я же жив! Я стою здесь, я говорю с вами!

– Жив, – согласился Хранитель. – Но не здесь.

– Что значит «не здесь»?

Хранитель подошел ближе, тяжело ступая, и остановился у каменного стола.

– Ты думаешь, что ты здесь, в библиотеке, – сказал он. – А на самом деле ты все еще там. В лифте. Между третьим и вторым этажом. Твое тело стоит в темноте и ждет. А ты – только часть тебя – пришел сюда. Так бывает, когда шаги заводят слишком далеко. Ты оставляешь себя там и приходишь сюда. Вопрос в том, сможешь ли ты вернуться.

Марк посмотрел на книгу в своих руках – живую, теплую, пульсирующую. Потом на ту, что лежала в нише, – холодную, пустую, с его именем.

– Если я не вернусь, эта книга заполнится? – спросил он тихо.

– Если ты не вернешься, ты станешь частью библиотеки, – ответил Хранитель. – Как отец той девочки. Твои шаги перестанут считаться там и начнут считаться здесь. Ты будешь книгой. Будешь писать свою историю для тех, кто придет после. Может быть, это не так уж плохо.

– Плохо, – твердо сказал Марк. – Я не хочу быть книгой. Я хочу быть человеком. Я хочу жить свою жизнь, какой бы она ни была. Даже если в ней только шаги и одиночество. Это моя жизнь.

Хранитель улыбнулся – впервые за все время – и улыбка у него была добрая, почти отеческая.

– Хороший ответ, – сказал он. – Тот, кто хочет вернуться, обычно так и говорит. Те, кто остается, говорят иначе. Они говорят: «А что там, снаружи? Стоит ли возвращаться?» Ты не спросил. Ты сказал: «Я хочу». Это важно.

Он подошел к нише с белой лентой, взял холодную книгу с именем Марка и закрыл ее. Потом повернулся к Марку и протянул ему обе книги – теплую и холодную.

– Выбери, – сказал Хранитель. – Ты можешь взять только одну. Если возьмешь эту, – он кивнул на теплую, «Книгу Бесконечности», – ты вернешься. Но дорога будет долгой. Книга поведет тебя, и ты должен будешь идти до конца, куда бы она ни привела. Если возьмешь эту, – он показал на холодную, с именем Марка, – ты останешься здесь. Навсегда. Станешь частью библиотеки. Будешь писать свою историю для других. Тоже неплохая жизнь. Тихая. Спокойная. Без боли.

Марк смотрел на две книги. Одна – живая, теплая, полная обещаний и загадок. Другая – холодная, пустая, с его именем на обложке. Соблазн был велик. Остаться здесь, в тишине, среди книг, которые никогда не осудят, никогда не обидят, никогда не потребуют ничего, кроме чтения. Никаких шагов, никакого счета, никакого одиночества в толпе. Просто покой.

Но в теплой книге пульсировало сердце. Ее сердце. Или его собственное – Марк уже не понимал.

Он протянул руку и взял «Книгу Бесконечности». Холодная книга с его именем осталась в руках у Хранителя.

– Я хочу вернуться, – сказал Марк.

Хранитель кивнул.

– Тогда иди. И не оглядывайся. Книга покажет дорогу.

Он махнул рукой в сторону лестницы, и Марк пошел, сжимая тепло в ладонях. Поднимаясь по стертým ступеням, он слышал, как за спиной Хранитель что-то шепчет – может быть, молитву, может быть, просто прощание. А может быть, читает вслух ту, другую книгу, которую Марк оставил внизу, – книгу своей неначатой, ненужной, тихой вечности.

Глава 4. Коридор зеркал

Подъем по винтовой лестнице оказался длиннее, чем спуск. Марк шагал, считая ступени уже по привычке, хотя внутри пульсировало странное чувство освобождения – он сделал выбор, и выбор этот, каким бы страшным ни был, принес с собой неожиданную легкость. Сто тридцать семь, сто тридцать восемь, сто тридцать девять. Ступени все не кончались, хотя сверху уже пробивался слабый свет, тот самый золотистый, факельный свет библиотеки.

На двухсотой ступени Марк остановился перевести дух. Присел на корточки прямо на каменной ступени, прижимая к груди книгу, и вдруг почувствовал, как та меняется. Тепло стало сильнее, почти горячим, и Марк, испугавшись, что книга загорится, поспешно раскрыл ее на первой странице.

Там было написано всего одно слово: «Смотри».

Марк поднял голову и увидел, что стена лестничного пролета, которую он все это время считал просто каменной кладкой, на самом деле была не стеной. Это была поверхность, в которой отражалось все – и он сам, и ступени, и свет факелов. Гладкая, темная, как вода в ночном пруду, она не была зеркалом в обычном смысле – в ней не было стекла, не было амальгамы, просто камень, вдруг ставший прозрачным и отражающим.

Марк подошел ближе. В отражении он увидел себя – усталого, взлохмаченного, с книгой в руках. Но это был не совсем он. Отражение смотрело на него другими глазами – спокойными, чуть насмешливыми, словно знало что-то, чего не знал он сам. И вдруг отражение подмигнуло.

Марк отшатнулся, едва не упав с лестницы. Книга в руках дрогнула, и на новой странице проступили слова:

«Ты думал, что отражения – это просто свет, который не нашел дороги дальше? Они – тоже шаги. Только шаги эти сделаны не ногами, а глазами. Смотри дальше. Ты только начал видеть».

Марк перевел взгляд обратно на стену. Отражение его уже не подмигивало, стояло смиренно, но теперь Марк заметил, что за его спиной, в отражении, открывается не лестница, по

которой он только что поднялся, а совсем другое пространство. Длинный коридор, уходящий в бесконечность, стены которого были сплошь зеркальными. И в каждом зеркале отражался кто-то – люди, лица, фигуры, движущиеся, застывшие, смотрящие прямо на Марка или отвернувшиеся, занятые своими делами.

– Что это? – прошептал он.

Книга ответила немедленно – новая страница, новый текст:

«Коридор зеркал. Здесь живут те, кого ты видел хотя бы раз в жизни. Все, на кого упал твой взгляд. Прохожие на улице. Пассажиры в метро. Лица в телевизоре. Те, кого ты любил. Те, кого ненавидел. Те, кого просто заметил краем глаза. Каждый твой взгляд оставил здесь отражение. И каждое отражение ждет, когда ты вернешься».

Марк сглотнул. Это было чудовищно. Это было невозможно. Сколько людей он видел за свою жизнь? Тысячи? Десятки тысяч? Все они здесь? Все ждут?

– Я не могу туда идти, – сказал он вслух. – Это слишком. Я не выдержу.

Но книга уже не слушала его возражений. Тепло в руках стало настойчивым, почти требовательным, и Марк понял, что у него нет выбора. Он должен войти. Хранитель сказал: книга поведет, и он должен идти до конца.

Он сделал шаг вперед – и стена расступилась, пропуская его. Лестница исчезла за спиной, и Марк оказался в коридоре, который видел в отражении. Высоком, бесконечном, с зеркальными стенами слева и справа. Пол был выложен черно-белой плиткой в шахматном порядке, потолок терялся где-то в темноте, откуда лился ровный, холодный свет.

В зеркалах кто-то был.

Марк повернул голову налево и увидел женщину. Лет сорока, усталую, с тяжелыми сумками в обеих руках, она стояла в зеркале и смотрела на него с немым вопросом. Марк напряг память – где он ее видел? И вдруг вспомнил. Прошлая зима. Он возвращался с работы, шел по скользкому тротуару, а она шла навстречу, и в тот момент, когда они поравнялись, она поскользнулась и едва не упала. Он подхватил ее под локоть, помог удержать равновесие. Она сказала «спасибо» и пошла дальше. Три секунды. Взгляд в глаза. И все. А она – здесь. Стоит в зеркале и смотрит на него уже не три секунды, а, кажется, целую вечность.

– Прости, – прошептал Марк. – Я не знал, что ты здесь.

Женщина не ответила. Она просто смотрела, и в глазах ее не было ни обиды, ни радости – только ожидание.

Марк пошел дальше. Справа мелькнуло лицо старика в кепке – тот самый, что сидел на лавочке у подъезда и всегда кормил голубей. Марк видел его сотни раз, но никогда не знал имени. Старик в зеркале медленно поднес руку к козырьку кепки и чуть приподнял ее, словно здороваясь. Марк кивнул в ответ и пошел быстрее.

Лица мелькали слева и справа, некоторые он узнавал сразу, некоторые казались смутно знакомыми, некоторых не помнил совсем. Вот девушка, с которой он учился в параллельном классе – они никогда не разговаривали, только иногда встречались взглядами в коридоре. Вот мужчина в синей спецовке – рабочий со стройки напротив его дома. Вот мальчик с мороженым, пробежавший мимо в парке. Вот пожилая пара, держащаяся за руки – они сидели через два столика от него в кафе год назад. Все они были здесь. Все смотрели. Все ждали.

Марк шел и шел, и лица не кончались. Иногда в зеркалах было пусто – только смутные тени, которые шевелились, но не обретали формы. Книга на эти вопросы не отвечала, но Марк догадался сам: это те, кого он видел, но не запомнил совсем. Те, чьи лица стерлись из памяти сразу, как только он отвел взгляд. Они остались здесь тенями, призраками, почти никем.

Он прошел уже, наверное, час, а может, и больше – время здесь текло иначе – и вдруг замедлил шаг. В зеркале справа он увидел женщину, от которой по спине побежали мурашки. Молодая, красивая, с длинными русыми волосами, в легком летнем платье. Она сидела на скамейке в парке и читала книгу. Марк знал это место. Знал эту скамейку. Знал эту книгу – томик стихов Ахматовой, который он сам держал в руках много раз. Он подошел ближе к зеркалу, почти касаясь его носом. Женщина подняла голову от книги и посмотрела прямо на него. У нее были зеленые глаза, чуть раскосые, с длинными ресницами. И в этих глазах Марк увидел то, чего не видел ни в одном другом зеркале: узнавание.

– Катя, – прошептал он.

Женщина улыбнулась. Слабо, чуть грустно, но совершенно точно – ему.

Три года назад. Лето. Парк. Он сидел на скамейке и читал ту самую книгу стихов, которую взял в библиотеке. Рядом села девушка. Долго молчала, потом спросила: «Это Ахматова?» Он кивнул. «Можно посмотреть?» Он протянул книгу. Она полистала, вернула. «У вас хороший вкус». И ушла. Он смотрел ей вслед, думал догнать, спросить имя, но не решился. Просто сидел и смотрел, пока она не скрылась за поворотом аллеи. А потом забыл. До сегодняшнего дня.

– Ты помнишь меня? – спросил Марк.

Катя – он назвал ее Катей, хотя не знал, так ли ее зовут на самом деле – кивнула.

– Я всегда тебя помнила, – сказала она, и голос ее прозвучал тихо, но отчетливо, словно между ними не было зеркала. – Ты не подошел. Я ждала. Ты не подошел.

Марк почувствовал, как к горлу подступает ком.

– Я испугался, – сказал он. – Я всегда боюсь. Я считаю шаги, чтобы не думать о том, что можно сделать шаг навстречу. Я дурак.

Катя улыбнулась опять, и в улыбке этой была такая печаль, что Марку захотелось пробить зеркало, разбить его вдребезги, только бы дотронуться до нее, обнять, попросить прощения за три года молчания.

– Ты здесь, – сказала она. – Значит, не все потеряно. Ты можешь выбрать. Всегда можно выбрать.

– Выбрать что?

– Идти дальше. Или остаться. Смотри.

Она повела рукой, и зеркало изменилось. Марк увидел не Катю на скамейке, а другое отражение – себя, стоящего в этом же коридоре, только постаревшего, с сединой в волосах, с книгой в руках, но книга эта была уже не «Книгой Бесконечности», а той самой, холодной, с белой лентой, которую он оставил внизу. Он стоял у зеркала и смотрел на Катю, а Катя смотрела на него, и так продолжалось бесконечно – двое людей, разделенных стеклом, смотрят друг на друга и не могут сделать шаг.

– Это если ты останешься, – сказала Катя. – Будешь ходить по этому коридору вечно, смотреть на всех, кого видел, и никогда не сможешь прикоснуться. А теперь смотри дальше.

Зеркало изменилось снова. Марк увидел себя в лифте. Темнота, мигающая лампа, он сам, стоящий с закрытыми глазами и прижимающий книгу к груди. А рядом с ним – Катя. Живая, настоящая, в том самом летнем платье. Она касается его плеча, и он открывает глаза.

– Это если ты вернешься, – сказала она. – Там, снаружи, я существую. Я живу в этом городе. Я хожу по тем же улицам. Я иногда думаю о тебе – о том парне в парке с книгой Ахматовой. И если ты захочешь, ты можешь меня найти.

– Как? – спросил Марк. – Я не знаю твоего имени. Я ничего о тебе не знаю.

– Ты знаешь главное, – ответила она. – Ты знаешь, что я существую. Остальное – просто шаги. Шаги, которые нужно сделать.

Зеркало померкло, и Катя исчезла. Вместо нее Марк увидел только свое собственное отражение – усталое, растерянное, но с новым огоньком в глазах.

Он пошел дальше. Теперь лица в зеркалах не задерживали его – он скользил по ним взглядом, искал только одно, то самое, зеленоглазое. Но зеркала тянулись бесконечно, и Кати среди них больше не было.

Коридор кончился внезапно. Марк вышел в круглый зал, очень похожий на тот, где встретил старика, но без пюпитра и без книг на стенах. Вместо книг здесь были двери. Десятки дверей, расположенных по кругу, все разные – деревянные и металлические, высокие и низкие, новые и старые, с ручками и без, с замочными скважинами и с табличками. На каждой табличке было что-то написано, но Марк не мог разобрать – буквы прыгали и менялись, стоило на них взглянуть.

В центре зала стояла скамья, а на скамье сидела Алиса – та самая девочка, которую он встретил между стеллажами. Теперь она была без книг, просто сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на двери.

– Ты пришел, – сказала она, увидев Марка. – Я знала, что ты придешь. Мама говорила, что сюда приходят все, кто доходит до конца коридора.

– Что это за место? – спросил Марк, садясь рядом. Ноги гудели от долгой ходьбы, хотя в библиотеке он, кажется, не сделал ни одного физического шага.

– Зал выбора, – просто ответила Алиса. – Каждая дверь ведет куда-то. В разные моменты твоей жизни. В разные решения. Ты можешь войти в любую и прожить другой путь. Тот, который не выбрал тогда. Можешь попробовать, как бы все сложилось, если бы ты подошел к той девушке в парке. Или если бы не стал корректором, а уехал в другой город. Или если бы в детстве не побоялся подойти к отцу и спросить, почему он ушел. Все двери открыты.

Марк обвел взглядом круг. Дверей было много. Очень много. Целая жизнь, разбитая на моменты выбора.

– А если я войду, я смогу вернуться?

– Сможешь, – кивнула Алиса. – Но ты вернешься уже другим. Каждый вход меняет тебя. Даже если ты просто согласишься. Знание того, что могло бы быть, – это тяжелая ноша. Не все ее выдерживают. Некоторые входят в дверь и остаются там навсегда. Им нравится другая жизнь больше, чем своя.

– А ты? – спросил Марк. – Ты входила?

Алиса покачала головой.

– Мне не нужно. Моя жизнь – здесь. Я родилась в библиотеке. У меня нет других дверей. Только одна – та, через которую я пришла. Но я ее не помню. Слишком маленькая была.

Она помолчала и добавила:

– Твоя дверь – вон та. Третья слева. Я ее вижу. Она светится для тебя.

Марк посмотрел на третью слева. Обычная деревянная дверь, чуть облупившаяся краска, медная ручка в виде львиной головы. Никакой таблички, никаких опознавательных знаков.

– Что за ней?

– Не знаю, – пожала плечами Алиса. – Я вижу только, что она твоя. Что там – знаешь только ты. Вернее, узнаешь, когда войдешь.

Марк встал со скамьи и подошел к двери. Рука сама потянулась к ручке – холодный металл, гладкий от тысяч прикосновений. Он оглянулся на Алису. Девочка сидела все так же неподвижно и смотрела на него с выражением, в котором была и грусть, и надежда, и что-то еще, очень похожее на любовь – но не к нему лично, а ко всем, кто проходит через этот зал, кто ищет свою дверь, кто пытается вернуться.

– Удачи, – сказала она тихо.

Марк нажал на ручку и толкнул дверь.

Глава 5. Тот самый день

Дверь открылась в солнечный свет. Марк зажмурился – после полумрака библиотеки и зеркального коридора этот свет казался нестерпимо ярким, почти болезненным. Он сделал шаг вперед, и дверь за спиной бесшумно закрылась, исчезла, словно ее никогда и не было.

Марк стоял посреди парка. Летнего, зеленого, залитого солнцем. Где-то рядом пели птицы, пахло скошенной травой и нагретой на солнце древесиной скамеек. По аллее прогуливались люди – мамы с колясками, пожилые пары, молодые люди с мороженым. Обычный летний день. Самый обычный.

И тут Марк понял, где он. Сердце пропустило удар, потом забилося часто-часто, как птица в клетке. Это был тот самый парк. Та самая аллея. Вон та скамейка – чуть облупившаяся зеленая краска, чугунные ножки. Он стоял ровно в том месте, где три года назад сидел и читал Ахматову.

– Этого не может быть, – прошептал он.

Но могло. Библиотека потерянных шагов, коридор зеркал, зал выбора – все это было реальностью. Почему бы не быть реальным и этому?

Марк огляделся в поисках себя – того, прежнего, двадцатичетырехлетнего, с книгой в руках. И увидел. На той самой скамейке сидел молодой человек в легкой рубашке с закатанными рукавами, и читал. Марк подошел ближе, стараясь ступать бесшумно, и заглянул через плечо. Да, та самая книга. Томик Ахматовой, который он взял в библиотеке и так и не вернул вовремя, заплатил штраф, но книгу оставил себе. Она до сих пор стояла у него на полке.

Молодой Марк – Марк-прошлый – сидел и читал, иногда поднимая глаза и глядя куда-то вдаль, на аллею. Он был спокойным, сосредоточенным, но в уголках губ таилась грусть – та самая, постоянная, с которой Марк-настоящий жил все эти годы. Та самая, которую он пытался заглушить счетом.

И тут по аллее прошла девушка. Та самая. В легком летнем платье, с книгой в руках. Катя. Марк-настоящий замер, боясь дышать. Она была еще прекраснее, чем в зеркале, чем в его воспоминаниях. Живая, настоящая, с легкой улыбкой на губах. Она прошла мимо скамейки, где сидел Марк-прошлый, и вдруг остановилась. Посмотрела на книгу в его руках.

– Это Ахматова? – спросила она.

Марк-прошлый поднял голову. В глазах его мелькнуло удивление – он не привык, чтобы с ним заговаривали незнакомые люди, тем более такие красивые девушки.

– Да, – ответил он тихо. – Вы знаете Ахматову?

– Люблю, – просто сказала она. – Особенно раннюю. «Сжала руки под темной вуалью». Это же она?

– Она. – Марк-прошлый чуть улыбнулся. – Одно из самых сильных.

Она сделала шаг ближе.

– Можно посмотреть?

Он протянул книгу. Она взяла, полистала, задержалась на одной странице, прочитала про себя, вернула.

– У вас хороший вкус, – сказала она и улыбнулась.

Марк-настоящий, стоящий в кустах сирени в нескольких метрах от скамейки, затаил дыхание. Сейчас. Сейчас решится все. Сейчас он, прошлый, должен что-то сказать, спросить имя, предложить сесть рядом. Сейчас.

Марк-прошлый молчал. Он смотрел на нее, и в глазах его была борьба – желание заговорить и страх, привычный, ввевшийся в кожу страх сделать шаг навстречу.

– Меня, кстати, Катя, – сказала девушка, видя его молчание.

Марк-прошлый открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент где-то рядом заиграла музыка – уличный музыкант на той стороне аллеи затянул что-то грустное и тягучее. Он отвлекся на секунду, повернул голову в сторону звука, а когда повернулся обратно, Катя уже уходила. Уходила по аллее, удаляясь, становясь все меньше и меньше.

– Пойдите! – крикнул Марк-прошлый, но слишком тихо, слишком неуверенно. Она не услышала. Или сделала вид, что не услышала.

Марк-настоящий смотрел, как она уходит, и чувствовал, как внутри закипает злость. На себя. На того, прошлого, который не посмел, не смог, струсил в последний момент.

– Ну же! – закричал он, выходя из кустов. – Догони! Скажи что-нибудь! Идиот!

Но Марк-прошлый его не видел и не слышал. Он просто сидел на скамейке, сжимая книгу, и смотрел вслед уходящей девушке с таким выражением, будто прощался с жизнью.

И вдруг мир вокруг замер. Люди на аллее остановились, как фигуры в музее восковых фигур. Птицы застыли в воздухе. Музыкант замер с поднятым смычком. Только Марк-настоящий мог двигаться. И Катя. Она тоже двигалась. Она повернулась и пошла обратно – прямо к нему, к Марку-настоящему.

– Ты пришел, – сказала она просто, останавливаясь в двух шагах. – Я знала, что ты придешь.

Марк смотрел на нее и не верил своим глазам. Она была такой же, как в зеркале, но еще живее, еще реальнее. От нее пахло летом, цветами и еще чем-то неуловимым, что бывает только у живых людей.

– Ты меня видишь? – спросил он.

– Конечно, вижу. – Она улыбнулась. – Я здесь не просто отражение. Я – та, кого ты мог бы встретить. Если бы сделал тот шаг. Сейчас у тебя есть шанс.

– Какой шанс?

– Остаться здесь. В этом дне. Прожить его иначе. Ты можешь подойти к себе – вон к тому, на скамейке, – и сказать ему то, что нужно сказать. А потом мы встретимся. По-настоящему. Здесь и сейчас. И все будет по-другому.

Марк посмотрел на себя-прошлого, застывшего на скамейке. На его молодое, но уже усталое лицо. На книгу в руках. На то, как он сжимает пальцами обложку – словно это единственное, что у него есть в этом мире.

– Что я должен ему сказать?

– То, что ты понял там, в библиотеке. То, что понял в коридоре зеркал. То, что понял, когда выбирал дверь. Что шаги – это не только счет. Шаги – это движение. И если не делать их, они так и останутся просто цифрами. Никуда не приведут.

Марк кивнул. Он подошел к скамейке, сел рядом с собой-прошлым и посмотрел на свое собственное лицо так близко, как никогда в жизни не смотрел. У него были мамины глаза – серые, с крапинками. И папин подбородок – чуть тяжеловатый, упрямый. Он никогда не замечал этого раньше.

– Слышишь меня? – спросил он тихо. – Ты меня слышишь?

Марк-прошлый вздрогнул. Медленно, очень медленно, как сквозь толщу воды, он повернул голову и посмотрел на Марка-настоящего. В глазах его было изумление – чистое, детское, незащитное.

– Ты... – прошептал он. – Ты – это я?

– Я – это ты. Через три года. Я пришел, чтобы сказать тебе одну вещь.

– Какую?

– Не бойся. Я знаю, что ты боишься. Я знаю, что внутри у тебя постоянно работает этот счетчик – раз, два, три, четыре. Я знаю, что ты считаешь шаги, чтобы не думать о том, что можно сделать шаг. Но послушай. Та девушка, которая только что ушла – Катя. Она вернется. Через минуту время снова пойдет, и она вернется. И у тебя будет второй шанс. Непусти его.

Марк-прошлый молчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

– А что будет, если я не упущу?

– Тогда я, – Марк-настоящий коснулся своей груди, – может быть, не окажусь там, где оказался. В библиотеке потерянных шагов. В коридоре зеркал. В зале выбора. Может быть, моя жизнь сложится иначе. И я не буду сидеть на подоконнике и считать секунды, потому что рядом будет она.

– А ты? – Марк-прошлый посмотрел на него с тревогой. – Ты исчезнешь?

– Не знаю, – честно ответил Марк. – Может быть, исчезну. Может быть, стану просто воспоминанием о том, что могло бы быть. Но это неважно. Важно, чтобы ты сделал правильный выбор.

Время дрогнуло. Застывший мир начал приходить в движение – сначала медленно, потом быстрее. Птицы полетели, музыкант заиграл, люди пошли по аллее. И по аллее пошла Катя – обратно. Она приближалась к скамейке, и в руках у нее была та же книга – томик Ахматовой.

Марк-настоящий встал и отошел в сторону, чтобы не мешать. Он стоял под деревом и смотрел, как разворачивается сцена, которую он уже видел однажды, но которая теперь должна была пойти по-другому.

Катя поравнялась со скамейкой и остановилась.

– Это Ахматова? – спросила она.

Марк-прошлый поднял голову. Марк-настоящий затаил дыхание.

– Да, – ответил Марк-прошлый. И добавил твердо, глядя ей прямо в глаза: – Вы знаете Ахматову?

– Люблю. Особенно раннюю.

– Я тоже. – Он чуть подвинулся на скамейке. – Садитесь, если хотите. Я как раз хотел спросить, что вам больше нравится – «Сжала руки» или «Сероглазый король»?

Катя улыбнулась и села. Рядом с ним. На ту самую скамейку.

Марк-настоящий стоял под деревом и чувствовал, как внутри разливается тепло – не то чтобы радость, скорее облегчение.словно камень, который он носил в груди три года, наконец упал.

Они говорили. Минут пять, десять. Смеялись. Потом Катя достала из сумки яблоко, разрешила на двоих маленьким складным ножичком. Они ели яблоко и смотрели друг на друга так, как смотрят люди, которые только что встретились, но уже знают, что это надолго.

А потом мир снова замер. Но на этот раз иначе – не резко, а мягко, как засыпающий ребенок. Краски поблекли, звуки утихли, и Марк-настоящий понял, что его время здесь заканчивается.

Катя – та, что говорила с ним до встречи с прошлым, – подошла и встала рядом.

– Ты сделал это, – сказала она. – Ты помог ему.

– А теперь? – спросил Марк. – Что теперь будет со мной?

– Теперь ты вернешься. В свой лифт. В свое время. В свою жизнь.

– Но она изменится? – он кивнул на скамейку, где двое – он-прошлый и Катя – застыли в счастливом моменте. – Там, в моем времени, она появится?

– Не знаю, – покачала головой Катя. – Это зависит не от меня. Время – сложная штука. Может быть, вы встретитесь. Может быть, нет. Но важно другое: ты перестал быть тем, кто только считает. Ты сделал шаг. Настоящий. Для другого. Для себя. Это меняет все.

Она коснулась его руки, и прикосновение это было теплым, живым, настоящим.

– Прощай, Марк, – сказала она. – Иди. Тебя ждут.

Мир вокруг поплыл, растворился, как акварель под дождем. Марк зажмурился, чувствуя, как его куда-то тянет, несет, кружит. А когда открыл глаза, стоял в лифте. В старом, знакомом лифте своего дома. Лампочка под потолком горела ровным желтым светом. Двери были открыты – первый этаж.

Марк вышел из лифта, чувствуя, как дрожат ноги. В руках он сжимал «Книгу Бесконечности» – теплую, пульсирующую, живую. На секунду ему показалось, что все это было сном, что он просто задремал в лифте и ему приснилась эта невероятная библиотека, старик-Хранитель, девочка Алиса, коридор зеркал, Катя.

Но книга была настоящей. И тепло в ней было настоящим.

Он вышел из подъезда. Солнце уже поднялось высоко, день был в самом разгаре. На скамейке у подъезда сидел дядя Гриша с метлой и курил, глядя куда-то в небо.

– Долго ты там, – сказал он, заметив Марка. – Я уж думал, лифт застрял.

– Застрял, – ответил Марк. – Но уже отпустил.

Он пошел по улице, сам не зная куда. Просто шел, вдыхая воздух, чувствуя под ногами асфальт, слыша шум машин и голоса людей. И вдруг понял, что не считает шаги. Впервые за много лет он шел просто так – не отмеряя расстояние, не отсчитывая секунды, не пытаясь удержать ускользающее время.

Он шел и улыбался. А книга в руках пульсировала ровно и спокойно, как второе сердце.

Глава 6. Город неслучайных встреч

Марк шел по городу, и город казался ему чужим. Не враждебным, нет – просто незнакомым, словно он смотрел на него сквозь другое стекло. Дома, мимо которых он проходил каждый день, вдруг обрели детали, которых он никогда не замечал: лепнину под крышами, трещины в стенах, похожие на морщины, разную форму оконных рам. Люди на улицах перестали быть безликой массой – каждый нес в себе историю, написанную на лице, в походке, в том, как он держал руки в карманах или сжимал пакет с продуктами.

Марк поймал себя на том, что разглядывает прохожих с жадностью, пытаясь угадать, кто из них мог бы оказаться в зеркальном коридоре, чье отражение ждет своего часа в бесконечных стеллажах библиотеки. Вон та старушка с авоськой – сколько шагов она сделала за свою жизнь?

Вон тот мальчик на самокате – сколько шагов ему еще предстоит? А вон та девушка в синем плаще, спешащая куда-то с озабоченным лицом – кого она ищет? От кого бежит?

Он свернул в сквер, где обычно гулял по вечерам, и сел на скамейку. Книга лежала на коленях, и Марк вдруг поймал себя на мысли, что боится ее открыть. Боится того, что там написано. Боится, что все, что произошло в библиотеке, было просто игрой воображения, а на самом деле он так и сидит в темном лифте, и тело его коченеет, и никто не придет на помощь.

Но книга была теплой. Живой. Она дышала.

Марк глубоко вздохнул и открыл ее на первой странице. Текст изменился – теперь там было всего несколько строк, выведенных его собственным почерком:

«Ты вернулся. Но возвращение – это только начало. Каждый шаг, который ты сделаешь теперь, будет записан дважды: один раз – здесь, другой – там, в городе. И эти записи не всегда совпадают. Потому что шаг, сделанный осознанно, весит больше, чем шаг, сделанный по привычке. Иди дальше. Город ждет».

Марк закрыл книгу и посмотрел вокруг. Сквер жил своей жизнью – голуби клевали крошки, молодые мамы качали коляски, старики играли в шахматы за бетонным столиком. Обычный день. Но теперь каждый звук, каждый запах, каждое движение казались наполненными смыслом, словно мир вдруг стал прозрачным и сквозь него просвечивала другая реальность.

Он заметил мужчину на соседней скамейке. Тот сидел, уставившись в одну точку, и что-то шептал. Губы его двигались беззвучно, пальцы перебирали край куртки. Марк прислушался – и вдруг понял, что мужчина считает. Шепотом, одними губами, но считает. Раз, два, три, четыре, пять. Сбивается, начинает заново. Раз, два, три, четыре, пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.